

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВ

БЕЙ В БУБЕН, ХИС!

Николай Михайлов

Бей в бубен, Хис!

«Автор»

2026

Михайлов Н.

Бей в бубен, Хис! / Н. Михайлов — «Автор», 2026

Где-то далеко-далеко есть бесконечный континент полный чудес. Там раскинулась империя Ци, где живут гордые культиваторы, идущие по пути Неба. В северных землях у Расколотых Гор обитают не менее гордые кланы северян, избравшие тропы шаманов. Это история Хиса - 16-ти летнего ученика шамана, который потерял своих родных и ослеплен мстью.

© Михайлов Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Михайлов

Бей в бубен, Хис!

Глава 1

Нагорье Расколотых гор всегда встречало утро одинаково: серым светом, от которого стыла кровь, пронзительным ветром, приносившим запах хвойного леса и гарью от кузниц. Наша деревня, разбросанная по каменистому плато, казалась сверху кучкой бревенчатых кораблей, едва цепляющихся за скалы. Но для нас, Греев, это был центр мира. Где-то на краю поселения, в глубокой тиши, Учитель прямо сейчас, должно быть, плел ритуальные песнопения, заклиная духов, чтобы закончить новые камни для кораблей. Корабли — гордость кланов севера. Каждая «ладья» была результатом тайного союза шаманского камлания и древних рун. Не чета громоздким посудинам Империи, которые те строили, опираясь на свою алхимию и потоки Ци. Жалкая тень. Тайны астрала сложно поддавались на выбранном имперцами пути. Так что остальной мир покупал камни на севере.

Я сжал ладонь, чувствуя под пальцами шершавую оплетку колотушки. Путь шамана — это тишина и ощущение изнанки мира, астрала и населяющих его духов, путь воина — это слава и «Пламенеющий», легендарный клинок отца, добытый в набеге и теперь навсегда привязанный к его руке. Я был лучшим среди нашей молодежи, пока Учитель не забрал меня в ученики, заставив сменить звонкую сталь меча на ритуальный бубен.

— Эй, да это наш бубноносец! Повелитель колотушек! — выкрикнул Эрик, отбрасывая в сторону тренировочный деревянный меч.

В круге воинов, устланном плотно утоптанной глиной и посыпанным желтым песочком, былолюдно. Пятеро ребят, таких же, как и я, разменявших шестнадцатую зиму, побросали деревянные клинки. Они были в одних меховых безрукавках, тяжело дыша после сшибки. Эрик, самый рослый из них, вытер пот со лба, в его глазах блеснул азарт. Он всегда хотел дотянуться до меня и превзойти. Но как не было у него шансов, так и не будет. Хотя я и оставил сейчас тренировки, когда Иых, Тяжелая Поступь, молча ткнул в меня пальцем, выбирая в ученики. Но это мы еще посмотрим! Они все поймут, что как вой я намного лучше для клана!

Я посмотрел на довольного Эрика и на остальных, выжидающе поглядывающих на меня парней.

Спускать такое нельзя. Насмешки нужно вдалбливать обратно, откуда они изверглись, — пронеслось в голове.

Я шагнул на площадку, чувствуя, как под подошвами онучей хрустит песок. Песок из далекой империи Ци, который стоил баснословно дорого, но помогал избежать травм. Он как будто подстраивался под форму тела, которое падало на него. Какой-нибудь ученик-бедолага, которого швырнули, не рассчитав сил. Да и как будто помогал этот песок в занятиях, подпихивая тебя, будто ты смолотил добрый кусок жаренного мяса.

Ребята разошлись, освобождая круг. Эрик, ухмыляясь, встал в стойку. В следующий миг я метнулся вперед, рассчитывая на старую скорость, но тело подвело — задержка, всего лишь мгновение, которого хватило Эрику, чтобы перехватить рисунок боя. Его кулак чиркнул меня по плечу, прилетело по ребрам. Мы покатались по земле, обмениваясь ударами.

В какой-то момент Эрик оказался сверху, вжав меня в песок. Я почувствовал, как по щеке скатилась теплая струйка крови — все-таки он сумел зацепить меня.

— Победил! Я победил! — завопил он, вскакивая и вскидывая руки к небу.

Я, ошарашенный, вытирал кровь, не понимая, как позволил этому медлительному увальню достать себя. Но радость Эрика оборвалась резко. В воздухе раздался странный, зве-

нящий звук, словно кто-то ударил по натянутой струне, и Эрик вдруг разлетелся на куски, забрызгав меня горячей кровью.

Я вскинул голову. Над Стальным углом, где находился круг воинов и шли тренировки воев, на высоте пары метров, завис человек в синих, причудливо струящихся одеждах. Он стоял на широком плоском мече, будто на доске на большой воде в штиль. Практик Ци.

Один из наших парней, не помня себя от ярости, прыгнул на него с мечом, но незнакомец лишь лениво взмахнул кистью, и парень упал двумя половинами. Это не было божественным чудом — это было хладнокровное, убийство. Как-будто походя пришили лягушку. Я видел, как остальные бросились вперед, но мастер в синем, крутанувшись в воздухе, обрушил на них невиданную мощь. Черепа разлетались, как сухие тыквы.

Я вскочил, схватил свою колотушку, собираясь прыгнуть к нему и... Отдубасить его, что есть сил? Не знаю на что рассчитывал, просто ярость затмила глаза, я хотел достать его хоть как-то.

Незнакомец лишь недоуменно вскинул брови — в его темных миндалевидных глазах не было ненависти, только скука, и отмахнулся. Удар невидимой силы швырнул меня через весь Круг, усыпанный желтым песочком, который сейчас уже побурел от крови. Я впечатался спиной в толстые бревна дома, дыхание выбило из легких.

Незнакомец легко взмыл вверх, устремившись вглубь деревни. А через мгновение небо над Расколотыми горами вспыхнуло. С корабля практиков, висевшего высоко в дымке, сорвался поток огня. Над Углом трех камней, в той части Нигроха, где мы жили, где был двор нашей семьи, вспухло пламя, будто выплеснулся жар из топки кузни. Отец, мать, мои братья и сестры... Вся та часть Нигроха была объята пламенем. Воздух стал обжигающе горячим, так что запекалась кожа на лице. Против воли я зажмурился и отвернулся.

Затем оцепенение спало. Из груди вырвался нечеловеческий крик, как волчий вой, полный ярости и отчаяния. Сила, которая пришила меня к огромному бревну, внезапно исчезла. И я будто выпущенный из пращи рванул вперед.

С корабля над селением опять сорвался еще один столп огня. Все вдруг завертелось. Земля рванулась навстречу. Последнее, что увидел, это блеснувшая руна Розбара на защитном камне, одном из тех, что отмечал Круг воев. Я впечатался лбом аккуратно прямо в нее и все померкло.

Пахло углями, гарью и жареным мясом. Я попытался открыть глаза, но веки не слушались, словно на лицо накинули пропитанную клеем ветошь. Пошевелился, с трудом высвободил руки и осторожно провел по коже. Шершавая корка — спекшаяся глина и кровь. Содрал ее одним рывком. Заходящее солнце ударило в глаза, заставив вскрикнуть.

Круг, где мы еще утром гоняли друг друга деревянными мечами, была мертв. Огромные бревна, из которых был сложен огромный дом наших воев, почернели, превратившись в безжизненные головешки. С края рухнувшей крыши свисала резная голова дракона — еще вчера символ нашего клана, теперь просто обгорелый обрубок без языка и глаз.

Тишина. Лишь ветер швырял пепел в лицо.

Где-то глубоко внутри шевельнулось обиженное недоумение. Нас учили, что рунные обереги, вырезанные шаманами на дверных косяках, способны остановить даже самый яростный шторм Расколотых гор. Но против Ци практиков они оказались лишь сухой щепой.

Жареным мясом... Осознание пришло вспышкой. Эта мысль скрутила желудок узлом. Рвало долго, до сухих спазмов, до горькой желчи на губах.

Я поднялся, пошатываясь. Страх пришел следом за болью. Я всегда знал, что имперцы могущественны. Рассказы старших, о походах в империю, об опасностях и лишениях, что сносили вои, пока добирались туда. Летали и для торговли, и для набегов. Заходили в города с

товаром, но и если встречался на пути караван по силам, то грабили не сомневаясь, унося не только шелк и пряности, но и секреты их техник, отголоски практик Ци.

На севере с интересом смотрели на чуждые изыскания, что-то брали себе шаманы. А были и те, кто пытался развивать в себе Ци, раздуть пламя в меридианах, пролегающих в теле. По крайней мере так учили на пути Ци.

Но до этого я никогда не сталкивался с имперцами лицом к лицу. А смех над байками из походов за семейным очагом разбился о смерть, пламя и пепел.

Пики Расколотых гор окрасились в багровый, словно их облили свежей кровью. Внизу, у причалов, где к деревянным вышкам были пришвартованы два небесных корабля клана, все еще курился дым. Наши красавцы, которые уверенно покачивались над землей, на которых клан уходил в набеги, на которых мы торговали, бежали от бурь. Теперь это были остовы. Шаманские артефакты, вплетенные в дерево, погасли. Имперцы даже не пытались подняться на северные лады, не рассчитывая подчинить уже привязанные камни Грызха. Им хватило одного удара, чтобы превратить гордость Греев в мусор.

Рядом с причалами... Наше подворье.

Я побежал. Не помню как, не помню сколько. Ноги вязли в пепле, но я не чувствовал земли. Дом отца превратился в холм дымящихся головешек.

— Мама! Отец!

Кричал ли я, или слова взывали внутри, пока я не произносил ни звука? Не знаю. В ушах звенело от собственного отчаяния. Никто не выжил. Греи слишком горды, чтобы сдаться, практикам не нужны такие рабы.

В черном крошечке что-то блеснуло. Я кинулся вперед, разгребая горячий пепел голыми руками. «Пламенеющий». Меч отца.

Не помня себя, я схватился за рукоять, забыв, что это зачарованное оружие, привязанное к крови вождя. Резкая боль — порез на ладони, глубокий, до кости. Я отдернул руку, ожгло пониманием, что я только что мог остаться совсем без руки. Но меч не принял свою законную жертву. Он лишь сменил пульсирующий цвет. Растекшаяся по лезвию кровь на глазах впитывалась в металл. Алое сияние, в котором раньше читалось злое веселье, померкло, стало темным, тягучим, как густая кровь.

Рана на ладони затягивалась прямо на глазах. Я посмотрел на меч. Он больше не был отцовским. Он стал моим, приняв мою темную решимость, а не отцовскую гордость.

Рукоять легла в ладонь как родная. Мрак, холод и тьма собрались внутри, вторя багровому свету меча. Я старался не думать о матери, не думать о младшей сестренке, которая только сегодня утром заплетала мне в пояс венки из ромашек, смеясь, когда я ворчал, что это не подобает будущему вою... Я гнал эти воспоминания прочь, чтобы не захлебнуться ими. Я развернулся и побежал в сторону дома Иыха, моего учителя.

На перепутье у дерева духов я на мгновение замер, отломив кусочек мякиша, припасенного утром чтобы подкормить духов. Еще недавно... Слезинка предательски прочертила горячую бороздку по щеке, но я стер ее прежде, чем она успела упасть. Мысли о доме и близких сейчас были как острый нож — я гнал их прочь. Если позволить себе слабость, если дать воспоминаниям нахлынуть, я сорвусь в бездну, из которой не выберусь.

На подходе к дому Учителя стало ясно: здесь было не так, как в поселении. Нападавшие столкнулись с чем-то иным.

Первым я увидел имперца с узким разрезом глаз. Он застыл с распахнутым в безмолвном крике ртом, и в его взгляде читался чистый, нечеловеческий ужас. Ни капли крови, ни одной раны — работа Учителя, его техника страха. Другой практик, с лицом мертвенно-бледным, словно выбеленным известью, застрял в ветвях старого дуба. В безумном порыве он, похоже, пытался взобраться на дерево, спасаясь от чего-то невидимого. Голова третьего была плотно оплетена корнями живучки, в темных волосах путались белые цветочки кислицы.

Рунный круг выглядел так, будто в него ударила небесная молния. Центральный камень расколот, менгиры повалены и разбросаны, словно игрушки. Моста через ручей больше не было, лишь обугленные деревяшки, уносимые водой.

Холм, где стоял дом, напоминал выжженную пустошь. Пепел, запах гари, сама земля казалась мертвой. Дом уцелел, огромный, словно чертог воев в Нигрохе, но вокруг него бушевала ярость имперских практиков.

И вдруг я увидел его. Учитель сидел у малого рунного круга, рядом со своими завитками грядок. Его сад не подчинялся прямой логике — скрученные линии, будто панцирь улитки, круги, странные узлы, напоминающие шепот духов, запечатленный в почве. Учитель сидел, не шевелясь, в своей неизменной меховой шапке с искусно обработанными рогами. Когда-то лось, полноправный хозяин леса, сбросил эти рога, дальше после заговоров и ритуалов учитель превратил их в могущественный артефакт шамана.

— Учитель! — мой крик сорвался, эхом отразившись над ручьем, разбившись в журчании воды.

Я вспомнил наше путешествие в астрал. Тогда я еле сдержал ухмылку, когда он назвал эту рогатую шапку грозным оружием. Шаман? Оружие? Единственно, что остановило меня от насмешек — это тяжелая рука Учителя. Пожалуй, в силе он мог бы поспорить с воем.

Я был наивен и глуп. Тогда, в белесом тумане астрала, тени скалили зубы, пытаюсь разорвать меня, поглотить мою душу, но Учитель лишь отмахнулся посохом, очертил перед нами круг — и земля под ногами стала твердой, отсекая тварей. И ни единый мускул не дернулся на его лице, он был абсолютно спокоен. Хотя меня пробирал озноб, а волосы на загривке стали дыбом, будто у пса, чужавшего волков за стенами Нигроха.

Я тогда понял: мастерство шамана не в грубой силе, оно — в связи с тем, что скрыто за гранью. И здесь требуется не меньшее мужество чем от воя. После того путешествия я впервые засомневался, действительно ли стоит упорствовать, чтобы вернуться на стезю воев?

Земля под ногами будто сама вела меня вперед. Мох пружинил, зеленые кругляшки селезеночника отступали, открывая путь. Я прыгнул, вода брызгами взлетела вверх. Холодная, обжигающая. Темная тень рыбины метнулась из под ног. Преодолевая течение, я ухватился за ребристый стебель таволги и рывком оказался на берегу. Тут же рванул вверх по склону.

— Учитель! — я бросился к нему, протягивая руку.

Мои пальцы коснулись его плеча. Фигура Учителя, до этого казавшаяся незыблемой, вдруг опрокинулась назад и рассыпалась серым, безжизненным прахом. В тот же миг меня пронзило, словно тысячи раскаленных молний ударили прямо в сердце.

Мир вокруг перестал быть прежним. Я стоял на коленях, вцепившись пальцами в пористый, холодный мох валуна, где еще недавно сидел Учитель, — и вдруг земля ушла из-под ног. Не буквально, но сознание сорвалось в бездну, воспарив над Нигрохом.

Взгляд, не принадлежащий мне, выхватил из пустоты практика Ци. Он несся на широком мече, рассекая воздух, словно на плоту по стремительной реке в пене брызг. Его лицо пылало азартом, ноздри трепетали от ярости. А черные волосы, собранные в тугой хвост, рвались за спиной от потоков ветра черным знаменем.

В следующий миг зрение дернулось, сменив фокус. Учитель. Он стоял, тяжело опираясь на посох. Грохот удара древка о землю отозвался в моих зубах. В пространстве перед ним «вспухло» нечто невообразимое: встречная волна, состоящая из тьмы и мечущихся теней. Это были духи — размытые, зыбкие очертания, похожие на клочья ядовитого тумана. Они непрерывно перетекали друг в друга, превращаясь то в вытянутые морды с острыми белыми зубами, то в безликие сгустки ужаса. Беззвучно, но в тоже время оглушительно, давя на уши непроявленной в нашем мире силой, они рванулись навстречу врагу.

Практик на мече словно наткнулся на невидимую стену. Его лицо в мгновение ока посерело, глаза остекленели, и он камнем рухнул вниз.

Мир вокруг меня сжался, звуки исчезли, будто кто-то забил уши густым, влажным мхом. Я видел следующего имперца — он летел над землей, даже не касаясь травы, но та вмиг взбурилась под его ногами. Зеленые побеги выстрелили вверх, оплели лодыжки, и практик полетел ничком. Трава, ставшая хищной, вцепилась в него, поглощая, и через секунду на этом месте остались лишь колышущиеся гроздья живицы, усыпанные синими цветами.

Небо раскололось. Молния, ослепительно белая и яростная, вонзилась в землю прямо передо мной. Я снова воспарил, наблюдая, как Учитель шагает вперед, словно проламываясь сквозь невидимую преграду. За его спиной земля горела, вспыхивая новыми разрядами. Он дошел до вершины холма, вонзил посох в грунт. Его губы двигались, безмолвно призывая силы, но я слышал лишь грохот собственного сердца, бьющегося в унисон с этим призывом.

Воздух задрожал. Пелена реальности истончилась, открывая изнанку астрала. Оттуда, как выпущенные из пращи вороны, хлынули чуждые твари — маски, лица, искаженные тени. Они обрушились на имперцев. Практики падали с небесных мечей, почернев до пояса, или в безумии сходили с ума, разбегаясь в пустоту.

А затем с неба упала капля чистого, болезненно яркого света.

Я моргнул, защищаясь от нестерпимого блеска. Когда открыл глаза, увидел неподвижного Учителя. Он сидел на валуне, будто устав после долгого пути. Ни ран, ни крови — только застывший, устремленный в одну точку взгляд.

В этот момент тишина взорвалась яростью. Я увидел его — имперца, выжегшего круг наших воинов. В памяти всплыл Эрик, с которым мы еще только утром выясняли кто из нас главнее, как же это сейчас казалось далеко... И я бы хотел, чтобы даже он снова был жив и снова задирает меня. Мои родные, их улыбки, смех, тепло рук...

Ненависть, горячая и острая, полыхнула в груди, прорываясь сквозь морок видения. Я прожигал взглядом спину врага, стоящего возле дома Йыха, моего учителя.

Практик вдруг замер. Он медленно обернулся, его взгляд обшаривал разрушенные окрестности, а затем, не колеблясь, уперся в меня. Легкая, почти невидимая усмешка тронула его губы. Я вздрогнул, забыв, как дышать — это была мощь, от которой хотелось преклонить колени, которая пригибала к земле, даже здесь сквозь видение.

Он вошел в дом Учителя, пригнувшись под низким проемом — оказывая почесть, которую он, конечно, не испытывал. Вернулся с ларцом. Внутри, в сиянии камня, пульсировала душа нашего клана. Практик захлопнул крышку, и две ленты сами собой оплели ларец, запирая его. Камень Душ, сокровище нашего клана, весь опыт, все знания ушедших предков, что добровольно связали себя с артефактом во имя блага для всего клана.

Практик Ци ступил вперед, под его ногой вспыхнул меч, и он исчез.

Мир мигнул. Теперь мне показывали какую-то другую местность. Я снова парил сверху, наблюдая, как цепочка имперцев с телегами, запряженными приземистыми мохнатыми конями, растянулась змеей в сторону перевала. В дне пути от Нигроха.

Видение схлынуло. Я оказался на вершине холма, в той же позе, что и прежде. Вернулись звуки: далекое пение птиц, стрекот насекомых, журчание ручья. Солнце догорало, окрашивая край неба в кровавый цвет.

Я не знал, как одолеть врага, способного сломить Учителя. Но я знал одно: я пойду по их следу. Пока во мне теплится жизнь, я не отступлю. Мечь — вот единственное, что теперь движет мною.

Рука сжала рукоять меча. Я провел сбоку по одежде, где был приторочен бубен шамана. Тряхнул головой, отгоняя остатки оцепенения, и бросился в погоню за тьмой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.